

Так прошло полгода, и однажды она больше не могла терпеть. Она рассказала матери о своих проблемах в школе, но её слова оказались незабываемыми:

— Почему они обижают только тебя, а не других?

С этого момента она поняла, что может рассчитывать только на себя.

Её сердце с каждым днём становилось всё твёрже, и она старалась игнорировать окружающих. Другие, видимо, потеряли интерес и перестали придумывать способы её дразнить, просто игнорируя её.

В старших классах Е Цзявэнь случайно обмолвилась матери, что хочет поступить в университет в другом городе. Мать начала плакать, чуть не упав на колени.

— Я не могу без тебя! Что я буду делать, если ты уедешь? Ты тоже бросишь меня, как тот мужчина? Я же дала тебе жизнь!

Если у Е Цзявэнь и была капля жалости, то она исчезла с такой реакцией матери.

«Ты спрашивала моё согласие, прежде чем родить меня?» — Е Цзявэнь сдержалась, оставив эти слова при себе.

Она думала, что любой, увидев свою мать на коленях, просящую остаться, почувствовал бы себя плохо. Она успокоила мать, сказав, что будет приезжать каждую сессию, где бы ни училась.

Но на этом всё не закончилось. На следующий день её отчим, пьяный, вернулся домой, снял ремень и начал бить её, крича:

— Ты, маленькая стерва, я тебя кормлю, одеваю, а ты, получив всё, сбегаешь?! Я столько времени тебя содержал, даже собака бы уже лизала, а ты всё ходишь с кислой рожей!

Был летний день, Е Цзявэнь была в стареньком платье без рукавов. Она свернулась на кровати, подол платья задрался, обнажая её гладкие белые бёдра.

Отчим, словно что-то осознав, загорелся в глазах и запер дверь. Он бормотал:

— Пора уже получить своё... Ик, у тебя хоть лицо ничего, всё равно потом кому-то достанется, так что лучше я тебя сейчас возьму...

Е Цзявэнь вскочила с кровати, пытаясь вырваться из его хватки, но он схватил её за лодыжку и швырнул на матрас.

Она кричала:

— Мама! Спаси меня!

— и изо всех сил отбивалась, пытаясь оттолкнуть этого зверя.

Когда запах алкоголя от него стал ближе, она протянула руку к керамической банке на тумбочке и ударила его по голове.

Мужчина упал, и кровь растеклась по простыне.

Е Цзявэнь, дрожа, слезла с кровати и открыла запертую дверь. За ней стояла её мать, сгорбленная, стараясь быть незаметной, и вытирала слёзы с лица.

— Вэньвэнь... Пошли есть, позови и отца... — её взгляд блуждал, она не смотрела на дочь.

Е Цзявэнь, в разорванной одежде, с синяками на бёдрах и лодыжках, смотрела на мать долго, будто время остановилось.

— Я его убила.

В криках и ругани Е Цзявэнь вдруг засмеялась, села на стул, взяла палочки и начала есть.

— Он хотел меня изнасиловать!! Но я не убивала его! Он просто потерял сознание!

Е Цзявэнь кричала на телевизор:

— Эти деньги я заработала тяжёлым трудом! Я не делала этого! Как я могла?

На экране появилась надпись: [Правда?]

Изображение сменилось на фотографии её отчисления из школы.

— А это что?

Е Цзявэнь закрыла глаза от стыда, не замечая, как кто-то приближается сзади...

Внезапно сверкнул нож, и пластиковая голова разлетелась на части.

— Чёрт, почему эти штуки цепляются только ко мне, с такой силой, да ещё и в одно и то же место, — Мяо Фан потирал шею.

Сюй Минлан поднял его с пола, шутя:

— С твоим телосложением, кого ещё они будут хватать.

— Попробуй сам на одной ноге походить, — ответил Мяо Фан.

Сюй Минлан понял, что задел за живое, и смущённо улыбнулся в сторону Чжоу Сюэжуна, но тот оглядывался.

— Что ты смотришь? — спросил Сюй Минлан.

— Я вдруг подумал, что у супермаркета не один вход.

— Но другой же заперт... — начал Сюй Минлан, но сам понял, что это глупо. Эти манекены сильные, могли и рулонную дверь поднять.

Вдруг в супермаркете...

Все трое:

— Чёрт!

— Е Цзявэнь! Е Цзявэнь, ты где? — кричала Цао Цзин.

— Е Цзявэнь! Отзовись! — Чжао Дунсян, держа две банки арахисового масла, тяжело дышал. — Здесь не так уж много места, куда она могла спрятаться?

Цао Цзин боялась манекенов, но не могла бросить Е Цзявэнь. Она была в панике, когда вдруг почувствовала слабый аромат.

Это был запах девушки, возможно, шампуня или геля для душа. Аромат был мимолётным, но Цао Цзин его уловила.

— Е Цзявэнь где-то рядом, — сказала она Чжао Дунсяну.

— Где? — он уже обошёл несколько стеллажей, но ничего не нашёл.

— Она точно здесь, я чувствую её запах. Может, она только что ушла, давай поищем ещё, — подтолкнула она его.

Чжао Дунсян огляделся. Вокруг были только телевизоры, никаких следов девочки.

У телевизора.

Е Цзявэнь почувствовала, как что-то тяжёлое легло ей на плечо. Она вздрогнула и обернулась.

Это был не пластиковый манекен, а мужчина средних лет с щетиной на лице.

— Ты, маленькая ***, тут ещё и распускаешься! Ты думаешь, никто не знает, что ты натворила? Пошли в школу! Забирать отчисление!

Е Цзявэнь, схваченная за волосы, тащилась по полу, думая, что это всё её галлюцинации. Она не могла снова пережить этот кошмар...

В памяти она шла по влажному каменному дому, за углом был её дом. В тот день она несла в рюкзаке деньги, которые копила целый год — больше шести тысяч.

Прошёл год с тех пор, как она ударила отчима. Она нашла подработку в пельменной, мыла посуду два часа после школы и весь день в выходные.

Хотя этих денег не хватало на обучение, она уже планировала взять государственный кредит на образование, устроиться и найти подработку.

Размышляя об этом, она ударилась о стену, и тень промелькнула мимо. Её рюкзак исчез.

— Верни! Стой!!

Она не могла поверить, что произносит эти слова.

Она бежала, но не могла догнать. Она пыталась запомнить его спину: грязная старая куртка, спутанные волосы, босые ноги в мороз. Это был бродяга.

Е Цзявэнь, понимая, что не догонит, села на землю. Она думала о том, как много страдала ради этих денег, и боялась, что без них останется в этом городе навсегда, запертая в своей уродливой семье.

Поэтому она согласилась на «сотрудничество» с хулиганами, чтобы получить деньги. Она с иронией думала, что впервые её красота пригодилась для «ловушки».

В темноте светились только несколько телевизоров, и виднелись пластиковые манекены, двигавшиеся странно и жутко.

Е Цзявэнь, словно безжизненная кукла, смотрела прямо перед собой, не замечая ужаса, и

шептала:

— Не смотрите на меня...

Это зрелище могло бы напугать кого угодно.

Но в глазах Е Цзявэнь она была не в тёмном супермаркете, а в солнечном коридоре, а манекены превращались в живых людей.

<http://bllate.org/book/15403/1361407>